

ДЖИЛ ШЕЛВИС

**Запретное
Желание**

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш42

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Jill Shalvis

INSTANT GRATIFICATION

Перевод с английского *Е.А. Ильиной*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Шелвис, Джилл.

Ш42 Запретное желание : роман / Джилл Шелвис; [пер. с англ. Е. А. Ильиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-094653-2

Эмма Синклер, блестящий врач, вынуждена вернуться в провинциальный городок своего детства, чтобы позаботиться о больном отце и на некоторое время заменить его в клинике, где лечатся от всех болезней взрослые, дети и даже домашние животные.

Понятно, что Эмме вообще некогда скучать. Но она окончательно теряет покой, когда ее пациентом становится неотразимый красавец Стоун Уайлдер — мужчина, намеренный перейти в отношениях с очаровательной докторшей на куда более романтический уровень, чем предполагает врачебная этика...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Jill Shalvis, 2009
© Перевод. Е.А. Ильина, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-094653-2

Глава 1

С самого утра изнывающая от жары и пребывающая в дурном расположении духа Эмма Синклер повесила табличку «Открыто» на дверь клиники отца. Часы показывали ровно восемь часов, и Эмма по привычке приготовилась к наплыву пациентов.

Только вот подобное вряд ли произойдет. Только не здесь, не в Мэйберри.

Вернее, в городке Вишфул, штат Калифорния, где, как она знала, койоты и медведи бродят по улицам прямо средь бела дня. Эмма не раз слышала койотов рано поутру, и от их зловещего воя волосы вставали дыбом у нее на затылке. Но что еще более ужасно — она видела, как они следили за ней из леса, окружающего дом, и голодный блеск их глаз заставлял ее отчаянно скучать по Нью-Йорку, где самыми опасными хищниками были грязные попрошайки на улицах.

Медведей Эмма пока не видела, но у каждого посетителя, переступавшего порог клиники, был припасен красочный рассказ об их появлении в городе, так что встреча с этим лесным хищником была лишь вопросом времени. Хотя чем позже это произойдет, тем лучше. Включив компьютер, Эмма мечтательно вздохнула при воспоминании о суете и суматохе, царящих в отделении «Скорой помощи» на Манхэттене, где за всю смену ей в буквальном смысле слова не

удавалось присесть ни на минуту. Она ставила пациентам капельницы, приводила их в сознание с помощью дефибриллятора, промывала и зашивала раны, взбадриваясь время от времени очередной порцией кофе.

Да, все это было у нее в Нью-Йорке. Идущая в гору карьера, потрясающая квартира рядом с Центральным парком и насыщенные событиями смены в одном из лучших отделений «Скорой помощи» в стране. Больше и желать было нельзя.

И вдруг судьба от нее отвернулась, забросив на другой конец страны, в глубь Калифорнийских гор, и заставив тосковать по кофе из «Старбакса» и тайской еде навынос. Эмма действительно тосковала по толпам людей, вечным пробкам и последним поездкам, на которые приходилось запрыгивать поздней ночью; тосковала по спискам блюд, висевшим на ее пустом холодильнике, которые она могла получить в любое время дня и ночи, стоило лишь набрать номер.

В Вишфуле никто не доставлял еду на дом. И что еще хуже — здесь не было закусовых быстрого питания, где можно было получить еду, не выходя из автомобиля. Для этого Эмме пришлось бы ехать тридцать с лишним миль по Южному побережью, к озеру Тахо. А это означало, что ей — весьма отвратительному кулинару — вполне могла грозить смерть от голода.

Эмма очень скучала по Нью-Йорку, но еще больше тосковала по своей матери — этой казавшейся непобедимой женщине, воспитывавшей Эмму без мужа, работавшей день и ночь медсестрой, которая в конечном итоге совершила нечто невероятное. А именно — умерла от рака, одной из тех немногих болезней, с которой Эмма не в состоянии была справиться.

При воспоминании о матери у Эммы сдавило горло. Она пересекла приемную выстроенной в викторианском стиле и обставленной в лучших сельских традициях клиники. Ничто не изменилось здесь с начала восьмидесятых, разве что оборудование. Да и оно вызывало у Эммы некоторые сомнения. Девушка раздвинула украшенные изображениями уток плотные голубые шторы, впуская в помещение свет июньского солнца. Интересно, что принесет сегодняшний день? Очередной пчелиный укус? Или кишечный грипп — для разнообразия?

Проблема заключалась в том, что жители Вишфула воспринимали ее как маленькую дочурку доктора, поэтому вели себя с ней как с простой квартиросъемщицей и норовили обсудить последние новости или поговорить о ее отце, чего Эмме совершенно не хотелось.

Проклятье! Она бы дорого дала за паралич или сердечный приступ — за что-то действительно стоящее, к чему смогла бы применить свои знания и квалификацию.

Висящий над дверью дурацкий керамический колокольчик, выполненный в виде коровы, звякнул, и на пороге возникла парочка мужчин, один из которых поддерживал другого. Вишфул был невелик, и после двух месяцев жизни здесь Эмма познакомилась почти со всеми его жителями, включая братьев Уайлдер. Ти Джей Уайлдер — высокий широкоплечий здоровяк — поддерживал своего столь же высокого и широкоплечего брата Стоуна, покрытого смешанной с грязью кровью, капавшей на пол приемной.

Стоун прихрамывал и корчился от боли, но лишь до тех пор, пока не увидел стоящую за стойкой женщину. Его лицо тут же стало непроницаемым.

— Привет, — пробормотал он. — Как жизнь?

Ну вот. Наконец что-то гораздо более стоящее, нежели болтливый сосед, желающий обсудить сплетни, в то время как настоящая жизнь бурлит где-то на Южном побережье. Наконец что-то более серьезное, нежели ожог после прикосновения к ядовитому растению, — то, с чем Эмма почти каждый день сталкивалась на прежнем месте работы. Она быстро подошла к Стоуну и перекинула его руку через свое плечо, чтобы поддержать. У него были очень большие, сильные, загрубевшие от работы руки.

— В первую смотровую, — скомандовала Ти Джею Эмма, минуя стойку и сворачивая в коридор, в котором располагались две смотровые. — Что произошло?

Ти Джей открыл рот, чтобы ответить, но Стоун опередил его:

— Мне нужно всего лишь несколько полосок пластыря.

— Вот как. — Без их с Ти Джеем помощи Стоун наверняка рухнул бы на пол. Но Эмма уже привыкла к упрямым пациентам, большинство из которых были представителями мужского пола. — Значит, вы можете идти самостоятельно?

В ответ Стоун умудрился надменно вскинуть бровь, но лишь одну, ибо вторая была рассечена и сильно кровоточила.

— Зачем мне это, если гораздо забавнее позволить вам меня поддержать? — С этими словами Стоун навалился на Эмму всем своим весом, который, как она прикинула, составлял примерно сто девяносто фунтов. И все это сплошные мышцы и ни капли жира. — Вы мягче, чем старина док Синклер, — пробормотал раненый.

Верно. Хотя и ее отец был достаточно мягок. Более того, именно из-за его доброго сердца Эмма оказалась

здесь. И речь вовсе не о сердечном приступе, который он перенес два месяца назад. Вот тогда-то Эмма и приехала сюда, чтобы вести дела клиники в отсутствие отца.

Нет, речь шла о неспособности отца сосредоточиться на действительно важных вещах: например, на счетах за оказанные услуги, неоплата которых грозила ему банкротством. За то время, что находилась в Вишфуле, Эмма уже поняла, что отец довольно часто вообще не выписывал счета. Только вот она не повторит подобной ошибки. Ни за что.

— В данный момент рядом с вами я, а не он.

— Все в порядке. — Стоун взглянул на Эмму. — Он всегда говорил, что вы лучше его.

— Вот как? Он действительно так говорил?

— Да.

Странно, но мысль о том, что отец сказал о ней такое, немного согрела душу Эммы. Они с отцом не слишком-то хорошо знали друг друга. Кроме профессии, у них не было ничего общего. Ее отцу нравилось спокойствие и неспешное течение жизни маленького городка, в то время как Эмма жить не могла без суеты и весьма насыщенных, интересных смен в отделении «Скорой помощи».

— Что с вами случилось, Стоун? Кто это сделал?

— Никто. — Голос раненого звучал тихо и хрипло, словно каждый шаг доставлял ему боль. — Со мной все в порядке.

В этом был весь Уайлдер: высокий, мускулистый, сексуальный и при этом невыносимо упрямый.

Из трех братьев Эмме больше всего нравились Кен и Ти Джей. Наверное потому, что почти все время проводили за городом.

Но Стоун... Невероятно обворожительный и харизматичный, он был крайне необуздан, что как

нельзя кстати соответствовало его фамилии* и ужасно раздражало Эмму. А еще он оказался ужасно неговорчивым. Брось такого в любой точке планеты, и он непременно выживет, будьте уверены. Такой мужчина, без сомнения, вызывал бы восхищение у любой другой женщины, но Эмма предпочла бы более спокойного и утонченного парня, желательно врача, который понимал бы ее.

Впрочем, все это не имело никакого значения. Ведь Стоун — пациент, а не потенциальный любовник, поэтому Эмма указала на стол. Хотя через такой слой грязи осматривать его будет весьма затруднительно.

— Нужно снять с него грязную одежду, — обратилась она к Ти Джею и направилась к шкафчику, чтобы надеть халат.

Стоун не стал сопротивляться, когда брат уложил его на спину.

— Мне нужно всего несколько полосок пластыря. Знаете что? Дайте мне коробку, а взамен я бесплатно устрою для вас экскурсию. Какую пожелаете. Только назовите.

Уайлдеры владели компанией, занимающейся организацией экстремальных экскурсий. И, по мнению Эммы, это означало, что им платят деньги за катание на лыжах и велосипедах. Так что целыми днями они только и делали, что развлекались на свежем воздухе.

Она каталась на лыжах, но этим и заканчивалось ее знакомство с подвижными видами спорта.

— Не думаю, что это хорошая идея, — возразила Эмма, доставая лоток с инструментами.

— Да бросьте. Свежий воздух пойдет вам на пользу. — Голос Стоуна звучал так, словно слова давались

* У а й л д е р от англ. Wild — дикий. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ему с трудом. — Как насчет восхождения на гору или прогулки на горном велосипеде?

Эмма понимала, насколько привлекательна и живописна окружающая местность, но в ее мире, куда она так отчаянно стремилась вернуться, у нее не было времени на подобные забавы.

— Давайте сосредоточимся на ваших ранах.

Губы Стоуна изогнулись в неспешной улыбке, ослабленной болью и все же невероятно сексуальной.

Все, что он делал, было неспешно и сексуально, легко и неторопливо. Так неторопливо, что возникла необходимость проверить у него пульс.

Только вот она не станет этого делать. Уайлдеры были потрясающими и невероятно опасными сердцеедами. Да, Эмма не могла остаться равнодушной к чарам Стоуна, но она большая девочка и сможет ему противостоять. Не теряя времени даром, Эмма подошла к раковине и принялась намыливать руки.

Хватит с нее того, что она пыталась удержать клинику на плаву и помочь отцу восстановиться после болезни, что оказалось весьма нелегко. Ведь в свои шестьдесят с небольшим лет он все еще считал, будто ему двадцать, и вместо того чтобы лежать в постели, целыми днями гулял и удил рыбу.

За последние пару месяцев Эмма виделась с ним гораздо чаще, чем за всю прежнюю жизнь. А он все не выздоравливал, чем очень ее тревожил. Ведь она хотела видеть его в добром здравии и полным сил.

Эмма хотела, чтобы он вернулся к работе и она могла вернуться к своей.

К сожалению, все оставалось как и два месяца назад. В дополнение к основному виду деятельности Эмме пришлось взять на себя всю бумажную рутину, ибо документы отца пребывали в ужасном беспоряд-

ке. Счета и назначения были сложены совершенно бессистемно, так что отыскать среди них нужный не представлялось возможным. Видимо, отец принимал наличные, кредитки и, если она правильно поняла... запеканку. Запеканку! Ею был забит весь холодильник, и уже дважды на этой неделе кто-то принес свежую вместо денег, в которых так отчаянно нуждалась клиника.

Отец только посмеялся над тревогами Эммы, сказав, что одинокому мужчине не мешает время от времени насладиться домашней едой.

Господи, да он мог питаться запеканкой каждый день, а запасы все равно бы не иссякли.

Их хватит и на ее долю. Что ж, голодная смерть ей, пожалуй, не грозит. А вот за состояние своих сосудов после поедания жирного блюда Эмма поручиться не могла.

Она насухо вытерла руки, взяла с полки пузырек с антисептиком и направилась к пациенту, который, очевидно, страдал от ужасной боли. Стоун лежал на столе с перекошенным лицом. Судя по всему, его попытки изобразить безразличие не увенчались успехом.

Сочувственно поджав губы, Эмма принялась обрабатывать глубокую рану над левой бровью. Она смачивала ее стерильной водой и осторожно вытирала кровь до тех пор, пока Стоун не втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Полегче, док.

Она и так старалась действовать осторожно. В этом и состояла суть ее работы.

— Это нужно зашить.

Ти Джей кивнул.

— Нет уж, спасибо. — Стоун говорил достаточно легко, только вот слова вырывались наружу сквозь

плотно стиснутые зубы. — Просто покажите мне, где у вас лежит пластырь. Я серьезно.

— Серьезно? — насмешливо переспросила Эмма. — Пластырь тут не поможет. — Она положила руки пациенту на плечи, чтобы не дать возможности подняться. Под ее пальцами перекатывались тугие, вздыбившиеся от напряжения мускулы. — Нам необходимо промыть раны, обработать стерильным раствором, сделать снимок и уж только потом оценить ваше состояние, Стоун. Иначе никак.

— Важное заявление. — Стоун одарил Эмму обворожительной улыбкой. — А как насчет того, чтобы немного притормозить, расслабиться и, возможно, сделать глубокий вдох? Я всего лишь слегка поцарапался.

— Тебе необходимо наложить швы, — произнес Ти Джей. — И ты это знаешь. — В его кармане завибрировал мобильный. Ти Джейн вытащил его, взглянул на экран и раздраженно посмотрел на брата. — Ты перевел все звонки из офиса на мой телефон.

— Твоя очередь.

— Нет, твоя очередь. Всегда твоя очередь.

— Точно, — ответил Стоун. — Ответь. Это может быть важно. Возможно, это звонит клиент, чьи карманы набиты деньгами. Или очередная поклонница. — Заскрежетав зубами, Стоун прикрыл глаза, а его лицо побледнело и покрылось испариной. — Было бы забавно. Включи громкую связь.

— Это может подождать, — возразил Ти Джей. — Я должен убедиться, что ты должным образом обращаешься с нашим очаровательным доктором.

— Просто ответь на этот проклятый звонок. Я буду вести себя прилично.

Ти Джей взглянул на Эмму. Очевидно, он нарочно злил брата, чтобы отвлечь его от боли. Милый. Уравновешенный. Да. Ти Джей определенно был ее любимым Уайлдером.

— Я справлюсь. Все в порядке.

На лице Ти Джея отразилось сомнение.

— Он тот еще фрукт.

— Я прекрасно справляюсь с такими.

Ти Джей одобрительно рассмеялся, и Стоун вздохнул:

— Я все еще здесь.

Во время разговора Эмма не переставала осматривать пациента. Она не нашла больше никаких повреждений на голове. Хорошо. На подбородке Стоуна красовался огромный синяк — скорее всего не единственный.

— Опасности для жизни нет, — заверила Эмма Ти Джея, а затем украдкой бросила взгляд на Стоуна, который сердито бормотал себе под нос что-то насчет проклятого пластыря. — Если только я не зашью ему рот.

Изобразив на лице насмешливое сочувствие, Ти Джей кивнул и вышел из смотровой, чтобы ответить на звонок.

— Я думал, он никогда не уйдет.

Не обращая внимания на слова пациента, Эмма подняла его рубашку.

Ее взору открылся рельефный пресс, покрытый грязью, но не кровью. Вся кожа Стоуна была испещрена царапинами, как если бы он проехался по асфальту, и наверняка причиняла ужасную боль.

Он крепко сжал запястье Эммы, и она оторвала взгляд от ран. Калифорнийский серфер встретил ангела. Его беззаботность и потрясающая внешность представляли собой убийственное сочетание.

А может, виной всему были его каштановые волосы, выцветшие на солнце до золотистого цвета. Спутавшиеся от ветра, необузданные, они так и манили провести по ним пальцами. Или сильный волевой подбородок, покрытый двухдневной щетиной. Или же бездонные зеленые глаза, заставляющие человека — а в данном случае сварливого доктора — думать, будто они могут заглянуть в душу.

А еще этот взгляд...

Да. Эмма сразу поняла, что этот мужчина станет для нее роковым.

— Не стоит так обо мне беспокоиться, — произнес Стоун. — Раны на мне заживают как на собаке.

И Эмма поверила. Ее пациент находился в превосходной физической форме, мускулистый и крепкий. Род его деятельности позволял предположить, что мускулы эти были приобретены не в тренажерном зале. Их породила ежедневная физическая активность. Эмма дотронулась до ребер пациента, и тот поморщился.

— Вы упали?

— Падения — это образ жизни такого парня, как я.

— Такого парня, как вы?

Стоун судорожно втянул носом воздух, когда Эмма начала ощупывать его торс.

— Да. Бездельника-скалолаза.

На поджаром теле пациента не было ни малейшего намека на жир, поэтому Эмма с легкостью нащупала ребра. Когда ее пальцы прошли по ним, плоский живот Стоуна судорожно приподнялся, а потом опал.

— Стоун?

Он открыл глаза.

— Расскажите, что случилось, — попросила Эмма, наблюдая за зрачками пациента.

— Это довольно запутанная история.

Эмма родилась в этих краях, но воспитывалась в Нью-Йорке закаленной в жизненных передрягах женщиной, не признающей нытья и жалоб. Кроме того, за свою жизнь Эмма повидала столько, что ее уже ничто не могло удивить.

— Думаю, я разберусь.

Стоун вновь резко выдохнул, когда Эмма нажала на его ребра.

— Все это как в тумане.

Нахмурившись, Эмма посмотрела на шишку на его голове.

— Как в тумане? У вас кружится голова? Круги перед глазами?

— Нет.

Эмма вновь проверила зрачки.

— Вы не можете вспомнить, что случилось?

— Ну... — Стоун слабо улыбнулся. — Все дело в трех ненормальных девицах.

Подняв глаза, Эмма успела заметить, как дрогнули губы ее пациента.

— Три девицы, — повторила она.

— Угу.

Эмма прищурилась.

— И?..

— Они набросились на меня в «Мудиз бар энд грилл».

Речь шла о единственном в округе баре, в котором сосредоточивалась вся ночная жизнь городка. Эмма вновь оглядела многочисленные царпины.

— Черт возьми, вы подрались.

Стоун рассмеялся, а потом судорожно втянул носом воздух.

— О господи! От смеха мне совсем не лучше.

— Значит, перестаньте смеяться.

Футболка, предназначенная для езды на горном велосипеде, плотно облегла тело Стоуна, так что снять ее, не причинив ему боли, не представлялось возможным. К тому же она была изрядно порвана. Посему Эмма решительно взялась за ножницы.

— Эй, послушайте...

Эмма разрезала футболку по центру, и ее взгляду открылись другие кровотокающие ссадины, покрытые перемешанной с грязью запекшейся кровью.

Самый настоящий рассадник инфекции.

Эмма ощупала верхние ребра.

— На перелом не похоже, — пробормотала она, заметив, что одно из ребер все же причиняло Стоуну боль. — Подождите-ка...

— Господи.

— Да, судя по всему, тут трещина, — произнесла Эмма, когда Стоун позеленел и прикрыл глаза. — Сделаем снимок. Но сначала займемся раной на голове. Я сделаю обезболивающий укол. А потом наложу швы.

Стоун мгновенно открыл глаза, которые приобрели теперь оттенок нефрита.

— Иголкой?

— Именно с ее помощью обычно накладывают швы.

— Я бы предпочел быстросействующий клей. В прошлом году я заклеивал порез вот тут... — Стоун указал окровавленной рукой на подбородок. — Зажило как по мановению волшебной палочки.

— И об этом свидетельствует шрам. — Эмма наклонилась, чтобы рассмотреть получше. — Не волнуйтесь, я делаю это хорошо. Чертовски хорошо. Так что у вас не останется шрама.